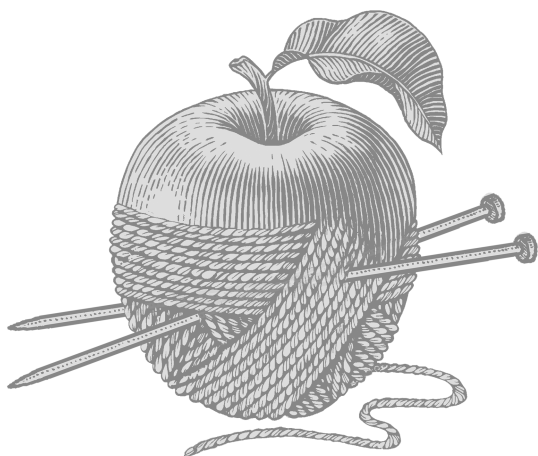

САТИРА И ЮМОР
ИГОРЬ ГУБЕРМАН

ИГОРЬ ГУБЕРМАН

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

МОСКВА

2022

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Г93

Губерман, Игорь.

Г93 Последний Иерусалимский дневник / Игорь Губерман. — Москва : Эксмо, 2022. — 304 с.

ISBN 978-5-04-169207-0

Конечно, перед нами не последний по счету, но последний по времени написания Иерусалимский дневник Игоря Губермана.

Собрание его знаменитых коротких стихотворений — «гагриков».

О законах и справедливости, об умении жить, о профессиональном и жизненном выгорании, о народе и семье, о надежде и об удаче. Губерман к каждой выбранной теме подходит с юмором и не дает нам грустить, даже если пишет о старости и смерти.

«Последний Иерусалимский дневник» входит в цикл дневников автора — стоит перечитать их, начиная с самого первого.

Особенно хорошо эти дневники помогают пережить депрессию и состояние опустошения: надежда есть всегда, даже там, где «стало пакостно и стыдно».

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-04-169207-0 © Губерман И., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Моей жене Тате –
с любовью и благодарностью*

* * *

Забавны с реальностью наши контакты
в любые текущие дни:
легенды и мифы нужнее, чем факты, —
понятней и ярче они.

* * *

Смотрю я, горестно балдея,
как мир на самом деле прост:
заплесневевшая идея
идёт из кучи хлама в рост.

* * *

Увы, но он никак не обнаружился —
тот путь, что вывел нас пожить на свете:
я вовремя спросить не удосужился,
а нынче уже некому ответить.

* * *

Убога поздней старости тюрьма
и горестна её неодолимость:
любое напряжение ума
родит во мне дремучую сонливость.

* * *

Читаю разных типов откровение,
мне делается пакостно и грустно:
публичное общественное мнение
сейчас публичным домом пахнет густо.

* * *

Законы, правила, традиции
и нормы всех иных краёв
намного мельче интуиции
больших привластных холуёв.

* * *

Оставив будней суету,
понять пытаюсь Божью волю;
следы уводят в пустоту
и властно манят к алкоголю.

* * *

В моём сегодняшнем уюте,
как камень, вложенный в пращу,
есть чувство близости к минуте,
когда я душу отпущу.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

* * *

Пока мы есть сейчас и здесь
внутри безумного пространства,
смешны напыщенность и спесь,
высокомерие и чванство.

* * *

Вся цель моих мыслительных потуг,
попыток и усилий долгих лет —
понять, пускай отчасти и не вдруг,
зачем явился я на белый свет.

* * *

Нельзя не выразить сочувствия,
а также честь я воздаю
тем, чьё отсутствие присутствия
так освежает жизнь мою.

* * *

Прошлое не стоит ворошить,
пусть оно висит, уже неясное,
ибо из былого можно сшить
нечто, настоящему опасное.

* * *

Я спорю деликатно и тактично,
я душу не поганю грубой шуткой;
а то, что я ругаюсь неприлично —
так это от застенчивости жуткой.

* * *

А время так необратимо
и так безжалостно оно,
что выпивать необходимо,
чтоб жить с эпохой заодно.

* * *

Мои тюремные союзники —
а с ними крепко я дружил,
мне вряд ли были бы союзники
в том, чем я тайно дорожил.

* * *

Он так лучился и блистал —
влюблялись даже зеркала,
пока какая-то глиста
его к рукам не прибрала.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

* * *

Я слабо верю в коллектив,
хотя уютней в общих кучах,
но там рождается актив
людей совсем не самых лучших.

* * *

Да, я изрядно толстокож,
но видя мрази единение,
я ощущаю в нервах дрожь
и частое сердцебиение.

* * *

Забавно, что в последние года
взамен благоговения и страха
мне в голову приходит ерунда,
лишённая и смысла, и размаха.

* * *

Переплетение ветвей
чревато соком ядовитым,
и прадед чистый был еврей,
а правнук стал антисемитом.

* * *

Сколько жить ещё мне суждено,
никому не известно про это;
но всегда интересно кино,
где не знаешь развязку сюжета.

* * *

Тот путь, который выбрал я себе,
он часто подвергался испытанию,
однако подчинялся не судьбе,
а личному душевному метанию.

* * *

Вполне хватало мне ума —
всё понимал я про отечество,
но и по мне прошла чума
сопливой веры в человечество.

* * *

Я много пью хмельного зелья
не только в пользу удовольствия,
не ради краткого веселья,
а для душевного спокойствия.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

* * *

Ко мне приходят мысли и сентенции;
я мог бы их использовать с успехом,
но я, принадлежа к интеллигенции,
встречаю их сомнением и смехом.

* * *

Давнишняя загадочность России —
висящая над нею благодать,
и как бы в ней таланты ни гасили,
Россия продолжает их рождать.

* * *

Высоких нет во мне горений
насчёт борьбы добра со злом:
наплыв печальных умозрений
лечу я выпивкой и сном.

* * *

Года летят быстрее птичек,
меняя облик наш и мнения;
десяток пагубных привычек
я сохраняю тем не менее.

* * *

Тоска приходит в душу ниоткуда,
порой даже покою вопреки:
надеется позорная паскуда,
что ей легко сдадутся старики.

* * *

Мой узкий мир ничуть не тесен,
живу я в личном окружении,
я тот, кому я интересен
в любом доступном приближении.

* * *

А старость потому порой уныла,
томясь в домашних тапках и халате,
что некая осталась ещё сила,
но не на что и жалко её тратить.

* * *

Почувствовав судьбы благоволение
и жизнь мою угрюмо подытожив,
я рад, что совершил переселение
туда, где никому не нужен тоже.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

* * *

Приглядываюсь пристально и страстно
к обидному повсюдному явлению:
любых жрецов послушливая паства
весьма подобна овцам, к сожалению.

* * *

Сейчас, когда помимо иллюстраций
читается последняя страница,
смешно уже чему-то удивляться
и вовсе нет резона кипятиться.

* * *

Земного срока на закате
смотрю вокруг без одобрения:
сегодня мир заметно спятил,
рехнулся в нём венец творения.

* * *

Года текут невидимой рекой,
душа томится болью, гневом, жаждой,
невозмутимый внутренний покой
даётся даже старости не каждой.

* * *

Не люблю я возвышенный стиль
с воздеванием глаз и бровей,
мне приятнее благостный штиль
тихих мыслей о жизни моей.

* * *

Пусть не хожу я в синагогу
и не молюсь, поскольку лень,
но говорю я «слава Богу»
довольно часто каждый день.

* * *

Я медленно и трудно созревал,
хоть не плясал под общую чечётку,
а подлинный прошёл я перевал,
когда уже смотрел через решётку.

* * *

Не говорил я это вслух,
но замечал чутьём фактическим:
герои часто любят шлюх
с настроем тоже героическим.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

* * *

В отличие от гонореи
коронавирус дан от Бога:
религиозные евреи —
большая вирусу подмога.

* * *

Я люблю любого эрудита,
он из наших с хаосом посредников,
в нём избытки знаний ядовито
льются на притихших собеседников.

* * *

Добавляются нам неприятности,
когда к финишу клонит года:
стало больше забот об опрятности,
а у старости с этим беда.

* * *

Не хочется двигаться, лень шевелиться,
исчезло бывшее лихачество;
я по легкомыслию — прежняя птица,
но только бескрылая начисто.

* * *

Участливо глядит на нас Творец,
с печалью и тревогой пополам,
а значит, неминуемый пиздец
ещё покуда слабо светит нам.

* * *

Мы вряд ли замечали б это сами,
но зеркало твердит опять и снова,
что виснут под обоими глазами
мешки от пережитого былого.

* * *

Я из разумных стариков,
за справедливость я не воин,
а Божий мир, увы, таков,
что лишь сочувствия достоин.

* * *

Хотя полно гуманных версий,
что разделять народы — грех,
но всё равно арбуз — не персик,
а сыроежка — не орех.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

* * *

Бог явно длит моё существование,
надеясь, что к исходу утлых дней
я всё же сочиню повествование
о жизни неприкаянной моей.

* * *

По жизни случаются дни,
когда уже ясно с утра,
что мрачными будут они,
и будет тоски до хера.

* * *

Теперь я тихий долгожитель:
забыв былые приключения,
я лишь сочувствующий зритель
земного умопомрачения.

* * *

Со счастьем очень тесно я знаком:
живу я у жены под каблуком.

* * *

Старость — это горечь угасания
и с ветвей душевных листопад,
и окрестной жизни прикосание
часто раздражает невпопад.

* * *

Бог аккуратно близких всех выкашивал,
а я пока остался срок тянуть...
Сегодня поминал я брата старшего.
Кого ещё успею помянуть?

* * *

Похоже на дыхание чумы
течёт заразы паводок шальной,
так сильно вирус вывихнул умы,
что станет жизнь совсем теперь иной.

* * *

Ночью дух податлив чуду,
всё загадочно на свете,
лунный свет рассеян всюду,
как евреи по планете.